

Лауреаты Государственной премии СССР

У истоков творческого становления народного артиста республики Идриса Ногайбаева была дипломная роль в институте имени А. В. Луначарского Егора Булычова — психологически сложный портрет. Мысль и буйные чувства. Нравственные перепады и «зеленая» молодость исполнителя. И все это в едином органическом сплыве, под пристальным, критическим взором опытных педагогов. Что это, удача? И да, и нет. «Да» только в одном: природа наделила Идриса, от щедрот своих не поскупившись, богатой факту-

Парадокс? Надо было видеть, как на это ответил Идрис: с юмором, от ощущения своей художественной правоты.

— Парадокс — перечеркните. Запишите: логика действия. Причем не индивидуального — действия всех на основе сердечного взаимопонимания.

Беседа наша шла главным образом о фильме «Вкус хлеба» (студии «Мосфильм» и «Казахфильм»), где И. Ногайбаев создал образ крупного партийного руководителя, человека, обремененного государственными заботами.

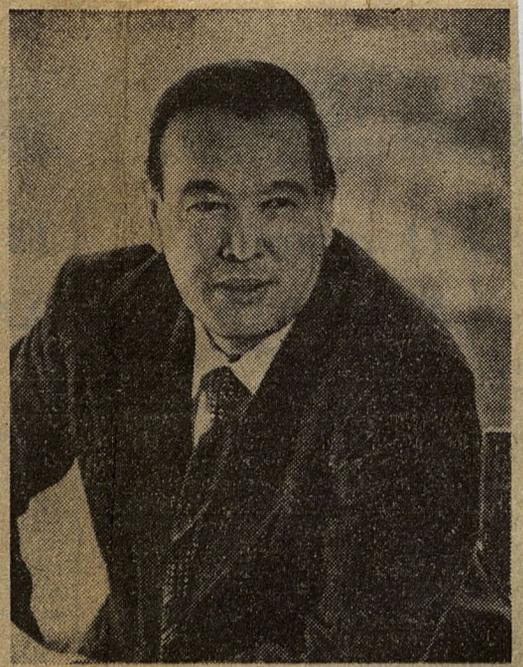
Итак, «логика дей-

ка безгранична по своим возможностям. Но какой художник не стремится сказать свое слово и во славу нашего героического современника!

Кемелов Ногайбаева во «Вкусе хлеба» — образ, узнаваемый по мыслям своим и делу, да и по характеру — тоже. Он, Кемелов, — от партии, ее полномочный полпред. А главное, и это особо высвечено художником, — совесть перед лицом народа. Ворочая громадой невиданных преобразовательных работ, он остается всегда, во всем,

пева фильма «Вкус хлеба»? В преодолении пусть и неизбывных потерь.

Идет битва — благороднейшая — мирная битва за хлеб — песню души народной. Одним из ее командармов является руководитель партийной организации республики Кемелов И. Ногайбаева. Вроде бы нет его на передовой. Вроде бы. Но вот мы становимся свидетелями безкомпромиссного столкновения идей агронома Игнатьева — артист Эрнест Романов — со старой академической

ЧТОБЫ ЗДРАВСТВОВАТЬ И ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ

рой — высоким ростом, удивительно гибкого тембра голосом и к тому же сняла с него «героическую монументальность» резонерства, подняв ее какой-то светящейся глубиной душевного обаяния. Трагическое лицо в стихии всепроникающего лиризма. Можно сказать так? Как о явлении редчайшем, пожалуй, можно.

Отсюда начался поход в «страну» своих открытий. Сколько их было за четверть века. И какую четверть! Казалось, само время вставало на дыбы — не удержишь. Но рядом, всегда готовые прийти на помощь и советом и делом, находились Мухтар Ауэзов — драматург богатейшего национального колорита, человек всесторонней культуры, Габит Мусрепов — художник истинно степной поэтичности. И они — старшие коллеги по искусству — Елеубай Умурзаков — Амангелды Иманов в известном фильме — первое открытие кино, открытие для себя, для своей мечты. Рядом незабвенный Сер-ага Кожамкулов — с вечным «загаром», оставленным еще тусклыми лампами «софитов» над кзыл-ординскими подмостками, добрый, умный в любви своей к родной сцене. А Шакен Айманов — видевший широко и сегодня, и завтра! Непримиримый воитель с равнодушием. Они не прошли — остались в национальной культуре навсегда. В заветах своих остались.

Сыгран Есен в «Енлик-Кебек» — казахская классика, Отелло, Кобланды, Каршига, Усеп, признание. Есть и то, и другое. Нет успокоенности.

Хотя, казалось бы, можно и чуть-чуть расслабиться, дать передышку напряжению. Нерв, когда он порвется, в узелок, увы, никто не завяжет. Ладно, это для медицины. А для себя «болеть и здравствовать!».

Действительно, теперь мы знаем, четырехсерийная киноэпопея «Вкус хлеба» создавалась ударно. Что такое год с небольшим на масштабные натурные съемки?! А время действия, протяженностью в двадцать пять лет, не ординарных, вписанных в историю, как великая целинная страда, и с ходу тут же ночные бдения за монотонной лентой. Причем организационная сторона дела решалась ансамблем, го частью или по долгу, активных единомышленников. Договаривались с полунаме-

Они стали лауреатами Государственной премии СССР: Алексей Сахаров, народный артист РСФСР, автор сценария и режиссер, Александр Лалшин, Валентин Черных, заслуженный деятель искусства РСФСР, Рудольф Тюрин — автор сценария, художник Александр Толкачев, Сергей Шакуров, заслуженный артист РСФСР, Нуржуман Ихтимбаев, Наталья Аринбасарова, заслуженная артистка РСФСР. Все они, как и другие участники кинотеатральной, несут в себе через своих героев начало биографии времени. От поколения к поколению. Однако не следует забывать, что художник, как бы он там ни перевоплощался, а может быть, как раз благодаря этому, живет в искусстве. И не в каком-то там абстрактном для нас, а в искусстве реалистическом, где правда предлагаемых обстоятельств — аксиома, иначе неизбежны «письмена на воде», какого бы цвета она собой ни являла.

Давно, в шестидесятых, я писал творческий портрет Идриса Ногайбаева. Тогда он в параллели с Шакеном Аймановым играл Отелло — ногайбаевского, ни с кем несравнимого, как отмечалось критикой. От той «седой»: встречи запомнилось: мировая класси-

ка доступна и, более того, близким каждому, кто озабочен делами жизни. Той самой, где «революция, хлеб и мир для народа» — понятия неразделимые!

За всем этим нам видится философия бытия, которое страна победоносного Октября сегодня неукоснительно утверждает в мире.

Этот органический процесс, вытекающий из нравственного уклада советского общественного устройства, аллегорически вынесен в заглавие киноэпопеи о целине, которой к финалу 80-х годов — забавный съемочный казус — в казахской степи... не оказалось. Агрогорода — пожалуй, ста. Необозримые нивы, напоминающие гигантские зебровидные гобелены, — реальная поэзия миллиардных урожаев. «Где хлеб — там песня».

Но где же она, первоначальная, реликтовая степь? Она как бы утонула в преданиях. Осталось племя людей, гордо нареченных целинниками, ветеранам добавляю особо почетную приставку — первоцелинники. А они еще в строю, отмеченные высокими наградами Родины. Они тоже легко узнаются нами. А земля преобразилась, и съемочной группе с трудом удалось отыскать клиншею ее заповедный под Уральском, чтобы она, как было некогда, легла в кадры.

Вот почему нам понятен «неуравновешенный» Сечкин С. Шакурова, директор совхоза «Безкрайний». Хотя в чем же он неуравновешен? В доброте, страстности, в вере своей в человека, в вере коммуниста-ленинца. Он может, если надо, и кулаком проломить стенку вагона, а при иных обстоятельствах не постыдиться слез на виду у всех.

Мужественные люди горя не прячут. Его свято берегут для памяти. Не здесь ли пафос за-

наукой в теории, аккредитованной такими авторитетами, что безвестному доселе практику в пору бросать оружие и капитулировать. Голова-то одна на плечах. И, благо, если бы ею можно было пробить ортодоксальную стену. А то ведь нет: стены, есть нечто аморфное — тягучее, бесформенное. И вот тут включается генеральная сила. В ее арсенале, резерве, в ее авангардных рядах марксистско-ленинское учение о революции непарадных лозунгов — революции, призванной дать насущный хлеб для тех, кто его растит.

Идрис Ногайбаев живет образом Кемелова. Живет правдой. Она, эта правда, в человеческой духовности, принципиальности и еще в том, что называют причастностью к общим болям и общим радостям.

Испытания, выпавшие на долю первых целинников, предстояли суровые, порой трагические. Быт где-то по своему коварен. А обывательское настроение вроде ржавчины. Ехали осваивать новую землю по-разному и разные люди. Были и такие, которых влек «длинный рубль» — «урвать в суматохе можно». И романтику первопроездской судьбы каждый понимает и воспринимает по-своему от «станового хребта своего». Кое-кто и биографии свои перерисовывать пытался. Мол, здесь заваруха — дым до неба — не до меня — спрячься, сплянься. Тысячи и тысячи судеб. Но для Кемелова — Ногайбаева — одна на всех. Масса из личностей. Громада. Поверни ее в нужном направлении, да так, чтобы она увидела свою, а не дядину дорогу, и вот тогда она пойдет. Кемелов понимал это как логику продолжения революции. Идрис Ногайбаев как художник руководствовался

этой мыслью. Трудной в ее претворении в дело, в практику жизни.

Но только тут исходная позиция, как жить и действовать по-ленински. Диалектика революции неумолима, но цели ее объективно гуманны и справедливы. Возделывать землю, спрессованную ветрами тысячелетий, причем в самые сжатые сроки — сразу две исторические тяжести. И вопрос всех вопросов, как возделывать? Ведь она живая. Срастись с ней, как агроном Игнатьев Эрнест Романова. Познай ее душу. Не значит ли это, что ты тем самым открываешь и свою? Просто ли, легко ли было Сечкину, чья совесть проветрялась в огне войны — горела и... не сгорела, решиться на ложь. Святую, об этом скажут потом. А сейчас на коварном и капризном поле, ждущем зерна, ох, как тяжело бьется сердце солдата, не пробитое по какому-то невероятному случаю фашистской пулей. И у сердца, усталого от всех передерг, выпавших на долю его хозяина, — партийный билет. Клятва прежде всего на «кристальную честность». Неправда — огонь на себя. В который раз. Директор в своем хозяйстве становится скотником. Не позавидно. В каком-то фронде. Высший долг бойца — стоять насмерть. У сердца — партбилет, ленинский.

Что могло бы произойти, если бы Кемелов не постиг духовного, нравственного, гражданского величия Сечкина и многих, многих других, в своем роде похожих на него, родных, кровью связанных с ним по духу? И вот тут встает, раскрывается философский смысл такого понятия, как доверие. Не какое-то частное, а доверие от партии народу. И народа своей партии.

— Играть такое, — говорит Идрис Ногайбаев, — немисливо. Проник-

нуться этим, значит, прожить множество жизней. На земле великих испытаний. Для артиста это — самая высшая награда.

«Вкус хлеба» — фильм-сказ. Откровенный и до конца правдивый. Без хлеба — нет жизни. А жизнь продолжается. И меняется, причем опять же бурно — революционно.

Шли годы. На месте былых палаток встали дома, школы, дворцы. Счастье пришло к тем, кто его создал. Тех же, кто тщился получить блага даром, — смыло в небль.

Правда осталась за сечкинскими и игнатьевыми, в которых верил и на которых полагался Кемелов, правда партии.

Мы узнаем многих из них — героев славнейшей целинной эпохи. Четверть века. В апофеозе этого — «краткого» по меркам истории времени — миллиардные урожаи. Мы узнаем их — не героев фильма «Вкус хлеба», а тех, с кого они списаны. И в этом нам видится одна из прекраснейших правд. Но, смотря вдохновенную работу кинематографистов, мы радуемся за их реалистическое искусство «Во вкусе хлеба» — интерпретаторе эпохального события.

От этой нравственно-этической позиции и шел к познанию, постижению характера человека — крупного партийного, государственного деятеля народный артист республики, лауреат Государственной премии СССР Идрис Ногайбаев.

Сам он это понимает так: «Работать, как работали все мы и наши герои. Работать и болеть за избранное дело так, чтобы здравствовать и чувствовать себя человеком, твердо стоящим на своей родной земле».

В. БЕРНАДСКИЙ.